

Tamara Gonczarowa

↓

Метафора в научной классификации

Обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в лингвистике – о смене ее базисной парадигмы и переходе от лингвистики “имманентной” с ее установкой рассматривать язык “в самом себе и для себя” к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью.

Исследование человеческого фактора в языке приобретает новый ракурс рассмотрения в связи с изучением картины мира, и в частности языковой картины мира. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире.

Картина мира есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной его стороны. Картина мира как глобальный образ мира возникает у человека в ходе всех его контактов с миром. Опыты и формы контактов человека с миром в процессе его постижения характеризуются чрезвычайным разнообразием. Это могут быть и бытовые контакты с миром, и предметно-практическая активность человека с ее деятельностно-преобразующими установками на переделывание мира и овладение им, и акты созерцания мира, его умозрения и умопостижения в экстраординарных ситуациях (Постовалова 1988: 20).

Картина мира, отражаемая национальным обыденным сознанием, запечатлевается его носителями в некотором целостном, отно-

сительно устойчивом во времени состоянии, на деле являющемся “продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта” (Караулов 1987: 42). Естественно, что подобная картина, сформированная стихийно, включает многообразие форм и уровней проявления обыденного сознания: в ней причудливо переплетаются знание, предположение, вера, порождающие прототипы как материалистического, так и идеалистического воззрения на мир (Дубинин, Гусякова 1985: 68), отражение действительности в практике повседневного труда и быта и эстетическое освоение человеком реального мира, т.е. обыденные знания, здравый смысл и иррациональность, отраженные в мифах, легендах, суевериях и т.д. В ней наличествуют интернациональные (общечеловеческие, ареальные) и национально-специфические особенности (Сукаленко 1992: 6).

Тем не менее, стихийно сформированная, многоплановая, многоуровневая, нередко противоречивая мозаика картины обыденного сознания может быть объяснена и связана воедино его особым интерпретирующим характером, специфическим способом восприятия объективной действительности. В обыденной, или наивной, картине мира “способ восприятия” имеет приоритет перед действительным положением вещей (Апресян 1986: 16). Речь идет о собственно человеческом предметном восприятии и предметном отражении объективной действительности, закрепленном в первую очередь с помощью языковых эталонов (Дубинин, Гусякова 1985: 101; Леонтьев 1976: 50).

Эти традиционные, т.е. воспроизводимые из поколения в поколение, эталонные сравнения не только отражают мировидение, но – что более важно – они связаны и с миропониманием, поскольку являются результатом собственно человеческого соизмерения присутствующих ему свойств с “нечеловеческими” свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека. Эталоны становятся тем, в чем образно “измеряют” свойства человека.

Эталон – это характерологически образная подмена свойства человека какой-либо реалией. Как пишет В. Н. Топоров:

“не только «человек – мера всех вещей», но и в известном отношении и обратно: «вещь – мера всех людей»” (Топоров 1995: 17).

Реалия, выступающая в функции эталона, становится таксоном культуры, поскольку она говорит не о мире, но об “окультуренном” мировидении (Телия 1996: 242).

Картина обыденного сознания, зафиксированная в стереотипных образах, “исторически и географически не является постоянной величиной” (Мюллер, Илиг 1984: 77). Так, в силу универсальности психологического восприятия родной ландшафт с его типичными флорой и фауной составляет неотъемлемую часть интегрального образа реальности. Для русской культуры это образ *медведя*; для украинской – *журавля, аиста*; для китайской – *цикады* и т.д. Названия *кенгуру* и *коалы* стали символическими в австралийском варианте английского языка. В отражении картины мира и фиксации ее в человеческом сознании непосредственное участие принимает язык.

“Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, принося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт” (Постовалова 1988: 11).

Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. Он придает ей и собственно человеческую – антропоцентрическую – интерпретацию, в которой существенную роль играет и антропометричность, т.е. соизмеримость универсума понятными для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно определенных стереотипов (к последним, например, относятся представления о лисе как о хитром животном, о быке как эталоне силы и здоровья).

Языковая картина является вторичной по отношению к общей объективной картине мира. Значение слова обычно связано с реальной действительностью. Действительность же отражается в разных языках неодинаково в связи с различным социальным опытом народов. Отсутствие или присутствие значений слов в тех или иных языках основывается на отсутствии или присутствии самого материального объекта в данном географическом регионе. Более того:

“два слова в двух разных языках, обозначающие один и тот же предмет в культуре двух народов и являющиеся переводными эквивалентами, неизбежно связываются с непосредственными со-

держаниями (имеющими, однако, инвариантную часть – инвариант перевода), и это позволяет говорить о “национальных смыслах” языковых знаков” (Тарасов, Сорокин 1977: 24).

Национальная специфика речевого выражения мысли особенно наглядно проявляется в механизме языковых сравнений. Человеческому сознанию свойственен постоянный поиск эталонов, стереотипов, которые служат своего рода ориентиром в восприятии действительности. На уровне языковой картины мира закрепление подобных эталонов происходит прежде всего за счет устойчивых сравнений и восходящих к ним метафор. Именно метафора и сравнение представляют наиболее благодатный материал для изучения человеческого фактора в языке, для взаимосвязи языка и сознания, так как сравнение – это главный метод обыденного сознания. Не случайно именно метафора в течение нескольких лет переживает, по словам В.Н.Телия,

“ренессанс человеческого фактора в познании и описании языка как динамического инструмента познания” (1998: 170).

В свое время еще В. Гумбольдт обратил внимание на “предметность” человеческого языка:

“Язык выражает мысли и чувства как предметы” (1985: 378).

В связи с этим становится вполне очевидной исключительная роль образов-представлений в языковом отражении объективного мира: “прорыв” слов к реальной действительности и “удаление” от нее происходят через наши представления о действительности, которые конкретнее, реальнее, ближе к ней, чем понятия (Уфимцева 1986: 55). По мнению А. А. Уфимцевой,

“диалектика предметного мира и человеческого мышления не допускает полной абстракции признаков предмета, самого предмета и человека, которым определенные признаки и свойства принадлежат” (1986: 95).

Выбор представлений в обыденном сознании чаще всего осуществляется через поиск “эталона” (Дубинин, Гусякова 1985: 24): иначе просто было бы невозможно ориентироваться в массе диффузных представлений.

Стереотипы, или эталоны, являются тем связующим звеном, которое объединяет восприятие, мышление и язык (Лакофф 1981;

1993; Арутюнова 1987). Они представляют собой “своего рода константы языковой картины мира”, поскольку через эти имена в концептуальную картину вплетается то обиходно-бытовое представление о мире, которое зафиксировано данным языком (Телия 1986: 46). А. А. Уфимцева также подчеркивает, что повторяющиеся элементы представлений разграничиваются с помощью языка, который в этом случае осуществляет свою вторую номинативную функцию (1986: 90).

Проблема языковой картины мира теснейшим образом связана с проблемой метафоры как одним из способов ее создания. При этом языковая картина мира служит прежде всего целям выражения концептуальной картины. И именно к форме выражения относятся все те языковые механизмы, которые организуют языковую картину мира. Но поскольку форма небезразлична к содержанию, то и языковая картина мира самым непосредственным образом влияет на содержательный аспект отображения действительности. Как отмечает В. И. Постовалова, картина мира в целом:

“не может быть выполнена в «языке», незнакомом человеку... Картина мира ни в коей мере не должна быть и стенограммой знаний о мире.” Она “не есть зеркальное отображение мира и не открытое «окно» в мир, а именно картина, т.е. интерпретация, акт миропонимания... она зависит от призмы, через которую совершается мировидение” (Постовалова 1988: 55).

“Человек отражает мир сквозь призму накопленных обществом знаний, понятий, навыков. Даже к совершенно новому, впервые воспринимаемому чувственному явлению человек относится с позиций восприятия им общественной культуры. Поэтому чистой чувственности у человека нет: в ткань восприятия, не говоря уже о представлении, всегда вплетаются слово, знания, опыт и культура поколений” (Михайлова 1982: 103).

Роль такой призмы наиболее успешно выполняется метафорой, поскольку она способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы. В этом переосмыслении образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциациями, которые предоставляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких “оттенков” смысла. Само обра-

шение к метафоре, по мнению С. С. Гусева, объясняется не интеллектуальным бессилием человека, а тем, что она способна служить средством получения нового знания, создавая мощное ассоциативное поле с помощью ограниченного диапазона средств выразительности, в частности образов или символов (1984).

“Метафоризация начинается с допущения о подобии (или сходстве) формирующегося понятия о реалии и некоторого в чем-то сходного с ней «конкретного» образно-ассоциативного представления о другой реалии. Это допущение, которое мы считаем основным для метафоризации и основанием ее антропометричности, является модулем метафоры, которому можно придать статус кантовского принципа фиктивности, смысл которого выражается в форме «как если бы»” (Жоль 1984: 127).

Метафора занимает одно из важнейших мест в мыслительном процессе и в языке. Главные области ее применения – обозначение свойств человека и окружающей его действительности. Антропометричность метафоры и придает ей способность служить средством создания языковой картины мира изначально в высказываниях о нем, а затем в тезаурусе носителей языка (личностном или нормативно-оппортунном), всегда служащем не только хранилищем самих этих вербализованных средств, но и их ассоциативных потенций (Телия 1998: 182).

Человеческий фактор играет самую существенную роль в способности метафоры моделировать абстрактный мир по образу и подобию конкретного, придавая ему при этом экспрессивную окраску.

Строя фразу в процессе общения, любой человек, говорящий на данном языке, постоянно производит мысленный выбор нужного слова. Этот выбор всегда зависит от условий акта коммуникации. Человек выбирает нужное слово, чтобы лучше, яснее передать свою мысль. Каждый член общества заинтересован в эмоциональном воздействии на собеседника. Общность цели порождает и общность используемых языковых приемов. Сфера выражения эмоций и эмоционального давления вносит в обыденную речь элемент артистизма, а вместе с ним и метафору.

По существу метафора является моделью порождения новых значений, выполняющей в языке ту же лингвокреативную (в понимании Б. А. Серебрянникова, 1983: 106-109) функцию, что и словообразова-

тельная модель, но только более сложную и к тому же действующую “скрыто” и нестандартно.

Метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов.

Метафора часто содержит точную и яркую характеристику лица, предмета, явления. Интуитивное чувство сходства играет огромную роль в практическом мышлении человека, оно не может не отразиться в повседневной речи. В этом и заключается неиссякаемый творческий источник метафоры. В практической деятельности образное мышление весьма существенно.

Образ редуцируется в метафоре. Например, называя человека *ослом*, говорящий фокусирует, а слушающий воспринимает не натуральный объект в целом, а скорее его упрямую позу, но не уши, копыта и т.п.; аналогичным образом, называя человека *стреляным воробьем*, говорящий “видит” не воробья в целом, а скорее – его настороженность и “увертливость” (Телия 1996: 190).

Н. Д. Аругюнова считает, что метафора – это

“прежде всего способ уловить индивидуальность конкретного предмета или явления, передать его неповторимость. Метафора индивидуализирует предмет, относя его к классу, которому он не принадлежит. Она работает на категориальной ошибке” (1979: 149).

Роль человеческого фактора является определяющей в метафорическом механизме. Человек – существо предметное, поэтому его сознанию свойственно стремление любое качество представить как предмет. Метафора делает абстрактное легче воспринимаемым. Один из основных путей метафоризации – перенос свойств от абстрактного к конкретному, от духовного к материальному (Ср. понятие *он трус* и метафору *он просто заяц*). В этом постоянном переносе понятий из одной сферы в другую не только проявляется гибкость человеческого разума, это необходимо для самого постижения действительности.

“Метафора является средством формирования параморфной модели, позволяющей представить данную систему с помощью системы, принадлежащей к иной сфере опыта, где данный элемент представлен более очевидно” (Гак 1988: 13).

Метафора универсальна, потому что она наблюдается во всех языках и во всех функциональных стилях речи: и в научной

терминологии, и в художественных произведениях, и в эмоциональной разговорной речи.

Метафора служит одним из наиболее распространенных способов пополнения лексического и фразеологического состава языка, является универсальным орудием мышления и познания мира во всех сферах деятельности. Она присуща всем языкам и во все эпохи. Метафора возникает в силу глубинных особенностей человеческого мышления. В связи с ее исключительной практичностью и универсальностью обычному носителю языка невозможно обойтись в каждодневном общении без метафоры. Она помогает человеку отражать в своем сознании постоянно изменяющуюся многообразную внеязыковую деятельность. Разнообразные объекты объединяются по какому-либо признаку, включаются на основании этого признака в класс, что позволяет использовать наименования одного из них для обозначения другого. Недостаточность логики в обыденном языке восполняется использованием метафор. Логичность и метафоричность текста – это два дополняющих друг друга его проявления (Налимов 1989: 5).

Таким образом, метафоричность, как и аналоговость, – это глубинное человеческое свойство, но при этом оязыковленные метафоры играют очень важную роль как в создании стабильной стереотипной картины мира, так и в участии динамической речевой, постоянно осуществляющей борение духа со словом.

Предметность человеческого мышления, с одной стороны, нашла отражение даже в научных классификациях. С другой стороны, она стойко удерживается в обыденном сознании, противореча таким классификациям.

Например, в обыденном сознании образ *свиньи* как нечистоплотного человека строится как будто на объективно наблюдаемом неряшливом поведении свиньи, ее постоянном пристрастии к грязи. С точки же зрения научного сознания, это своеобразная очистка кожи, так как грязь защищает свинью от многих вредных насекомых.

Формальное сходство в номинации понятий в общенародном языке может служить причиной отождествления самих понятий в обыденном сознании. Во французском языке, например, существует сравнение *noir comme un geai* (черный как сойка), но *geai* – птица “сойка” – вовсе не черного, а серо-голубого цвета. Однако звуковое совпадение слов *jais* (черный янтарь) и *geai* (сойка) привело к возникновению данного выражения.

Внешнее сходство целостного зрительного образа нередко лежит в основе бытовой классификации, отождествляющей объекты в силу такого сходства, в отличие от научной классификации. Так, *жаба* и *лягушка*, *аллигатор* и *крокодил* относятся к разным видам животных, но внешне они похожи, поэтому их часто путают, за *грача* часто принимают *черного ворона*.

В бытовом сознании носителей языка слова *пума* и *кугуар*, *реполов* и *коноплянка*, *леопард* и *барс*, *питон*, *анаконда* и *удав*, *тюлька* и *килька* рассматриваются как различные объекты реального мира. В научной классификации *пума* и *кугуар*, *реполов* и *коноплянка*, *леопард* и *барс* одно и то же, *анаконда* и *питон* являются разновидностью *удадов*, *килькой* называют *тюльку* в Каспийском море (Большой энциклопедический словарь 1989).

Мало кому известно, что *сверчок* – это не только насекомое, но и птица, а *пантерой* называют темно окрашенного *барса*.

“Означивание действительности происходит прежде всего через понятия и повторяющиеся стереотипные представления. Выделение повторяющихся элементов представлений само по себе, вне знаковой системы невозможно” (Мартынов 1974: 18).

Не следует думать, что роль представлений значительна только в отражении языковой картины мира общеупотребительного языка в противоположность терминологии (Сукаленко 1992: 18). Например, удельный вес представлений чрезвычайно велик в создании зоологической терминологии, т.к. животные, птицы занимают очень важное место в эстетическом сознании человека, апеллирующем не столько к разуму, сколько к чувствам. Этот отрезок лексики в терминологии подтверждает ориентацию человека на положительную картину мира. Практически ни одно название животного или птицы не характеризуется через негативно оцениваемый признак. Если эта тенденция и нарушается, то очень редко, и обычно в названиях насекомых (ср. *бабочка “мертвая голова”*).

Очень большое количество животных, птиц и насекомых в языке зоологии описывается через целостное, не членимое на отдельные свойства объекта впечатление с высокой положительной оценкой: *спондилюс* (моллюск) *красивый*, *стрекоза-красотка*, *журавль-красавка*, *священный скарабей*, *священный ибис*.

Зрительные признаки могут быть относительно простыми, т.е. одноплановыми: *снежный буревестник*, *серебристая чайка*. Реже

встречается отсылка к целостному образу, а не к отдельному его свойству: *алмазный фазан* (алмаз предполагает такие свойства, как переливы, блеск, сверкание).

Как и стереотипный портрет человека, зоологическая терминология строится с учетом психологической импликации: высокое социальное происхождение предполагает особенно привлекательную внешность (ср. *королевский фазан, императорский пингвин, королевская кобра, королевский пудель*).

Выделительным оценкам противостоит тенденция с установкой на обычность: *щука обыкновенная, окунь обыкновенный, лангуст обыкновенный, богомол обыкновенный, осьминог обычный* и т.д.

Термины могут создаваться с учетом внешних признаков (цвет, форма, размер, какая-нибудь отличительная бросающаяся в глаза примета): *красношапочный вьюрок, венценосный журавль, орлан-белохвост, белоплечий орлан, большеголовый полоз, белолобый гусь, розовый пеликан, малая панда, орел-карлик, гигантская сколопендра*. Иногда в основу терминологического понятия ложится манера, способ поведения: *зимородок-хохотун, смеющаяся горлица, орлан-крикун, странствующий голубь*.

В некоторых случаях терминологические оценки моделируются по образцу описания внешности человека, его манеры поведения, рода деятельности: *вьюрок-кардинал* (сплошь ярко красный, только узкая полоска на лбу, уздечка, подбородок и горло – черные, т.е. то сочетание цвета, которое присутствует в одежде кардинала); *птица-секретарь* (на голове несколько направленных назад перьев, напоминающих гусиное перо за ухом писца); *попугай-монах* (строит на деревьях шаровидные с боковым входом гнезда из сухих веток, в больших гнездах-колониях каждая пара имеет свою гнездовую камеру, т.е. образ жизни соответствует образу жизни монаха, живущего в отдельной келье); *утка-вдовушка* (для нее характерно белое “лицо” и пятно на передней стороне шеи, остальное оперение тела черное, т.е. по цвету напоминает траурное одеяние вдовы); *солдатский ара* (окрашен в защитный цвет); *орел-скоморох* (во время брачных церемоний он проделывает в воздухе сальто и кульбиты); *дрозд-дама* (миловидная, тихая птичка, отличающаяся приятной и разнообразной песней) (Словарь названий животных 1989; Иллюстрированная энциклопедия животных 1983). В указанных примерах присутствуют сведения о мотивации зоологических терминов.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о взаимосвязи терминов и нетерминов, о существенной значимости представлений в терминах, а поэтому и об отсутствии демаркационной линии между понятиями и представлениями даже в терминологии, а значит и между наивной и научной картинами мира.

Литература

- Апресян Ю. Д., 1986: *Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира*, Семиотика и информатика, Вып. 28, с. 5-33.
- Арутюнова Н. Д., 1990: *Метафора и дискурс*, [в:] *Теория метафоры*, Москва, с. 5-32.
- Арутюнова Н. Д., 1987: *Аномалии и язык: (К проблеме "языковой" картины мира)*, *Вопр. Языкознания*, № 3, с. 3-10.
- Арутюнова Н. Д., 1979: *Языковая метафора (синтаксис и лексика)*, [в:] *Лингвистика и поэтика*, Москва, с. 147-173
- Большой энциклопедический словарь* под ред, А. М. Прохорова, 1989, Москва.
- Гак В. Г., 1988: *Метафора: универсальное и специфическое*, [в:] *Метафора в языке и тексте*, Москва, с. 11-26.
- Гумбольдт В., 1985: *Язык и философия культуры*, Москва.
- Гусев С. С., 1984: *Наука и метафора*, Ленинград.
- Дубинин И. И., Гусякова Л.Г., 1985: *Динамика обыденного сознания*, Минск.
- Жоль К. К., 1984: *Мысль, слово, метафора. Проблемы семантики в философском освещении*, Киев.
- Караулов Ю. Н., 1987: *Русский язык и языковая личность*, Москва.
- Лакофф Дж., 1981: *Лингвистические геистальты*, *Новое в зарубеж. лингвистике*, Вып. 10, с. 350-368.
- Леонтьев А. А., 1976: *Психолингвистический аспект языкового значения*, [в:] *Принципы и методы семантических исследований*, Москва, с. 46-73.
- Михайлова И. Б., 1972: *Чувственное отражение в современном научном познании*, Москва.
- Мартынов В. В., 1974: *Семиологические основы информатики*, Минск.
- Мюллер В., Илиг Д., 1984: *Общество и сознание*, Москва.
- Налимов В. В., 1989: *Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности*, Москва.
- Постовалова В. И., 1988: *Картина мира в жизнедеятельности человека*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, с. 8-70, Москва.
- Серебрянников Б. А., 1983: *О материалистическом подходе к явлениям языка*, Москва.
- Словарь названий животных* под ред, В.Е. Соколова, 1989, Москва.
- Стапек В.Я., 1983: *Иллюстрированная энциклопедия животных*, Прага.

- Сукаленко Н.И., 1992: *Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира*, Киев.
- Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А., 1977: *Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения* [в:] *Национально-культурная специфика речевого поведения*, Москва, с. 14-38.
- Телия В. Н., 1996: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва.
- Телия В. Н., 1988: *Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, Москва, с. 173-204.
- Топоров В. Н., 1995: *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического*, Москва.
- Уфимцева А. А., 1986: *Лексическое значение*, Москва.

Summary

It is the interpretative type of reality perception that combines popular consciousness and the language picture of the world. In popular everyday consciousness scientific and mythological, logical-rational and myth-poetic, rational-theoretical and irrational-mystic levels got mixed up oddly and even complement one another. The principal method of popular consciousness is the method of comparison, search of a standard. In the language, world picture standards are first of all fixed with the help of set comparisons and metaphors. In some cases irrationality covers even scientific terminology.